

Бердников Г.

А. П. Чехов. Идеиные и творческие искания. — Л.: Художественная книга, 1970. — С. 357 — 360

«Учитель словесности»

Первая часть этого рассказа была опубликована еще в 1889 году. Тогда лишь одно заглавие произведения — «Обыватели» — настораживало и могло дать основание читателю усомниться в истинности обретенного героем счастья. Но сам герой — учитель Никитин — был полон радостного ощущения безмятежного счастья. Прекрасной казалась ему его невеста, редким, необычным представлялся ее дом. «Ну, дом! — думал Никитин... — Дом, в котором стонут одни только египетские голуби, да и те потому, что иначе не умеют выражать своей радости!»

Рассказ этот, его название и содержание превосходно отражают противоречивые чувства и убеждения писателя в конце восьмидесятых годов. Эту противоречивость видел и сам Чехов. 1 ноября 1889 года он писал А. С. Суворину «Посылаю рассказ для фельетона. Не серьезный пустячок из жизни провинциальных морских свинок. Простите мне баловство... Между прочим, сей рассказ имеет свою смешную историю. Я имел в виду кончить его так, чтобы от моих героев мокрого места не осталось, но нелегкая дернула меня прочесть вслух нашим, все взмолились: пощади! Пощади! Я пощадил своих героев и потому рассказ вышел так кисел». История в самом деле забавная и... поучительная. Так или иначе, но тогда — до поездки на Сахалин — Чехов мог пощадить своих «провинциальных морских свинок», ТЕПЕРЬ это стало невозможно.

В 1894 году вторая глава начиналась рассказом о тех же радостных чувствах героя. «Я думал: как расцвела, как поэтически красиво сложилась в последнее время моя жизнь! Два года назад я был еще студентом, жил в дешевых номерах на Неглинной, без денег, без родных и, как казалось мне тогда, без будущего. Теперь же я — учитель гимназии в одном из лучших губернских городов, обеспечен, любим, избалован».

Свой собственный двухэтажный дом, полученный в приданое, двадцать тысяч денег, также принесенных счастливым браком, домовитая, разумная жена, которая хлопотливо вьет гнездо, — все наполняет Никитина ощущением счастья. Он не устает радоваться, глядя на жену. «То, что в ее словах было справедливо, казалось ему необыкновенным, изумительным; то же, что расходилось с его убеждениями, было, по его мнению, наивно и умилительно».

Чехов не скупится на краски, чтобы нарисовать истинно пасторальную идиллию, однако это нужно ему теперь лишь для того, чтобы ярче показать прозрение, когда он приходит к пониманию истинной цены человеческого счастья.

Таяли иллюзии. Никитин начинает понимать, что жена, которая так умиляла его своей домовитостью, на самом деле тупая, ограниченная мещанка, что сам он вовсе не педагог, а безликий чиновник, что идиллическая жизнь в двухэтажном доме в действительности невозможна, невыносима и оскорбительна для человека. Мало того — ему теперь кажется, что и его товарищи втайне недовольны и собой и своей жизнью и лишь тщательно скрывают это недовольство. В заключение Никитин записывает в своем дневнике: «Где я, боже мой?! Меня окружает пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины с молоком, тараканы, глупые женщины... Нет ничего оскорбительнее, тоскливее пошлости. Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума!»

Таким образом, к середине девяностых годов Чехов возвращается к анализу и оценке жизненного строя, властно определяющего общественные нравы. Мысль о ненормальности, неразумности общественных отношений уточняется. Источником нравственного уродства является собственническое начало буржуазного строя жизни. При этом оказывается, что и

миллионное дело Анны Акимовны или Лаптевых, и двухэтажный нештукатуренный дом Никитина, и горшочки со сметаной его супруги одинаково страшны для человека, равно обезличивают и поработают его. Пробуждающийся и гаснущий в душе Лаптева протест, горькое недоумение Бронзы — почему жизнь несет человеку одни лишь убытки, страстный протест Никитина против мещанства и неразлучной с ним пошлости являлись различными проявлениями конфликта человека со строем господствующих отношений, оттеняли и подчеркивали его враждебность человеку. Однако все это затрагивало лишь одну сторону поднятой Чеховым проблемы. Как ни трагична судьба перечисленных героев, она не может идти ни в какое сравнение с участью рабочих Анны Акимовны, которые живут хуже арестантов, или приказчиков Лаптева, для которых амбар был действительно настоящим застенком. Как и в восьмидесятые годы, вновь за драмой одних вырисовывалась драма многих, и вновь в конечном счете приходил Чехов к главному — драме народной жизни.

Чеховский учитель словесности глубоко разочаровывается в том, что принято называть личным счастьем. Он мечтает о *забвении самого себя*, стремится к иной жизни, которая «не в ладу с покоем и личным счастьем». Эта *другая жизнь* не очень ясна Никитину, однако само отречение от *личного счастья* было весьма знаменательно и означало неизбежное выдвижение на первый план общественных проблем. В этом свете по-иному приходилось ставить и решать вопросы личной морали. Нравственный долг по отношению к закабаленному народу и неизбежно встающие в связи с этим давние вопросы — что делать, как практически осуществлять этот великий долг, — оказывались главными и основными для Чехова.

Так писатель вынужден был вновь заняться анализом и оценкой идейного достояния своих современников, однако на этот раз с иных позиций, с точки зрения насущных социальных вопросов русской жизни.